

А. Ю. Казарян исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00354-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00354/> в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете (НИУ МГСУ)

Acknowledgements:
The study has been realized by A. Kazaryan within the grant of the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00354-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00354/>, in the Moscow State University of Civil Engineering (MGSU), National Research University

Исследование основанных царем Смбатом II Багратуни (977–989) оборонительных укреплений Ани опирается на результаты изучения средневековых источников и поиске путей раскрытия архитектурных особенностей памятника фортификационного зодчества. В его торжественно представленных лапидарных строительных надписях, рельефах и инкрустированных изображениях, во вставленных в стены хачкарах и выложенных полихромной кладкой крестах отразилась концепция царского столичного города, соединения светской и духовной властей. Осмысливается динамика Смбатовых стен, сохранивших планировочную идею и лишь несколько фрагментов первоначальной структуры в основе башен и ворот.

Ключевые слова: армянская архитектура; X–XIII вв.; средневековые фортификации; Ани; Смбаатовы стены; городские ворота; крепостные башни. /

The study of the defensive fortifications of Ani founded by King Smbat II Bagratuni (977–989) is based on the results of studying medieval sources and searching for ways to reveal the architectural features of this monument of fortification architecture. Its image, developed by the ceremoniously presented lapidary building inscriptions, reliefs and inlaid images, by the khachkars inserted into the walls and crosses lined with polychrome masonry, reflected the concept of the royal capital city, the union of secular and spiritual authorities. The article comprehends the dynamics of the Smbat's walls, which have preserved the planning idea and only a few fragments of the original structure at the base of the towers and gates.

Keywords: Armenian architecture; 10th–13th centuries; medieval fortifications; Ani; Smbat's walls; city gates; fortress towers.

Смбаатовы стены Ани / Smbat's walls of Ani

текст
Армен Казарян
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
Карен Матевосян
Матенадаран. Научно-исследовательский институт древних рукописей имени Месропа Маштоца (Ереван, Республика Армения)
text
Armen Kazaryan
National Research Moscow State University of Civil Engineering
Karen Matevosyan
Matenadaran, the Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts (Yerevan, Armenia)

Панораму столицы Армении эпохи Багратидов с многочисленными руинами церквей, остатками дворцов, мечетей, бань, жилых и производственных построек объединяют растянувшиеся на пару километров высокие городские стены, называемые Смбаатовыми по имени основавшего их царя Смбата II Багратуни (977–989) (рис. 1–2). Воплощение в Ани концепции царского столичного города, в котором топографически объединяются светская и духовная власти, требовало его надежной защиты достойными фортификациями и выдвигало высокие требования к архитектурным качествам защитных сооружений, которые непосредственно оказывали влияние на образ основанного в 961 году и до XIV в. развивавшегося большого города. Одна стена с округлыми с внешней стороны башнями была сооружена по повелению первого коронованного в Ани царя, Ашота III Милостивого Багратуни (953–977) и защитила вышгород с царским дворцом и так называемый Старый город, который историк XII в. Мхитар Анеци называет «малым городом» (փոքր քաղաք) [1, с. 67; 2, р. 83–85]. Но уже вскоре городская застройка с изначально узкого участка, заключенного между двумя ущельями, распространилась далеко на пространсто плато, сформировав таким образом Новый город¹. Возведенная через несколько лет Смбаатова линия укреплений пересекла это плато там, где расстояние между ущельями слегка сужалось. Она представляла собой двойные снабженные башнями стены с предваряющим их среднюю часть рвом протяженностью более 500 м. На это строительство указывает автор рубежа X–XI вв. Степанос Таронаци (Асогик) в своей «Вселенской истории». Он также отмечает основание при том же царе кафедрального собора архитектором Трдатом, который при следующем шаханшахе Гагике I Багратуни не только завершил этот собор, но и построил вторую крупнейшую церковь города – круглый храм Св. Григория Просветителя, названный исследователями храмом царя Гагика или Гагкашен [3, гл. XLVII, с. 204–205]. Существует предположение о руководстве работами по возведению Смбаатовых стен тем же Трдатом, известным своим инженерным мастерством, о чем узнаем из истории о восстановлении им поврежденного от землетрясения купола Константинопольской Софии.

«Настоящий город, новая часть Ани», по убеждению Н. Я. Марра, зародился и рос задолго до строительства Смбаатовых стен и даже ранее появления Ашотовой стены. Он аргументирует мысль обнаружением на его территории памятников, относящихся к V–VII вв. [4, с. 79]. Уже в XI в., а еще чаще в XII–XIII вв. Смбаатовы стены и башни поновлялись и обстраивались более высокими, о чем свидетельствуют многочисленные надписи на заложенных в их кладку плитах. Задачей статьи является обзорный анализ Смбаатовых стен как произведения монументальной архитектуры с изменяющимся обликом в исторической перспективе. Особое внимание обращено на композиции трех основных городских ворот. В качестве дополнительного материала привлекается присутствующая на памятниках эпиграфика, скульптура, резной и полихромный декор.

Величественный образ стен предстал на гравюрах, опубликованных М. Броссе в 1861 году [5, pl. V, VI, 15, 17, 25, 26, 28] (рис. 3). Этот же ученый предлагал прочтение строительных надписей, значительный вклад в изучение которых внесла Анийская археологическая экспедиция под руководством Н. Я. Марра, работавшая в 1892–1893 и 1904–1917. Уже тогда была осознана необходимость комплексного исследования стен, городских ворот и башен, но ввиду затратности археологических работ и приоритетности изучения историками архитектуры храмов Ани, ситуация по сей день остается неизменной. Впрочем, многое было сделано еще сотрудниками экспедиции Н. Я. Марра, проводившими местами археологические расчистки, давшими оценки стратиграфии строительных слоев, уточнившими прочтения надписей. В 1908 году приглашенный Н. Я. Марром старший топограф Ф. К. Мосевич составил подробный план городища Ани, некоторые неточности которого в 1909 году были исправлены художником С. Н. Полторацким, а затем с пронумерованными памятниками, в том числе башнями и воротами. Этот план Смбаатовых стен был издан, издан И. А. Орбели [6, с. I–III]. К сожалению, ни тогда, ни позднее башни и ворота, за редкими исключениями, не обмерялись в объеме. Разрезы, фасады, планы ярусов практически отсутствуют.

¹ Названия условные, даны частям города его исследователями.

^ Рис. 1. Вид на город Ани со стороны плато. Восточная часть Смбатовых стен. Фото А. Казаряна. 2019

Н. Я. Марр насчитывал в городских стенах Ани (не считая стен на периферии и Ашотовых) 80 башен, 11 ворот и 3 калитки, причем 55 башен располагались в двух рядах параллельных Смбатовых стен [4, с. 79]. Трое ворот были основными и самыми монументальными. Это Главные, или Львиные (по барельефу льва), Карсские и Шахматные, в XIX в. ошибочно называвшиеся Двинскими. Цифры, приведенные Н. Я. Марром, требуют уточнений, для чего необходимо оперировать не только топонимикой и фотографиями, но и исследованием на местности, чего были лишены ученые с 1920 года по конец XX в. Да и по сей день городище, расположенное в турецкой, пограничной с Арменией зоне, продолжает находиться на границе страны НАТО с Арменией, где расположена российская военная база. Все это ограничивает возможности изучения памятников архитектуры и археологии.

Старые фотографии фиксируют степень повреждения этих стен. После десятилетий забвения по инициативе турецких властей памятник архитектуры в 1995–1996 в месте главных, Львиных ворот был расчищен, и многие участки стен и башни были поновлены грубым образом, без участия археологов и реставраторов (подробнее см.: <http://www.virtualani.org/history/restorations.htm>). Тогда же итальянским исследователем Т. Бреччия Фратадокки было сосредоточено внимание на одной из башен Карсских ворот [7, р. 70–71]. В 1998–2005 в Ани работала французская экспедиция, которая направила свою деятельность в том числе и на городские стены и окрестные крепости [8, 9]. Архитектурному образу Смбатовых стен была посвящена статья А. Ю. Казаряна [10]. В ней содержались смелые суждения о возможной связи этого образа с Феодосийскими стенами Константинополя, но слабо учитывалась научная информация о стратиграфии строительных слоев. Это потребовало нового обращения к самому анийскому памятнику и к историческим обстоятельствам его возведения и дальнейшего укрепления, проверки наличия в стенах древнейших участков кладки, понимания места этих стен в контексте оборонительного зодчества древнего и средневекового Востока. Поскольку тема оказалась обширной, нынешняя статья представляет собой краткое изложение некоторых результатов предпринятого исследования.

Панорамы и образ Ани неотделимы от этих стен. Городом владели разные правители, в том числе довольно длительно представители мусульманских народов, но эти стены, формирующие внешний облик города со стороны основного подхода к нему, определенно ассоциируются с армянской властью и культурой, причем с соединением светского и духовного начал. Многочисленные резные и инкрустированные кресты, геральдические символы и строительные надписи служат тому свидетельством. Среди таких символов – орел, когтящий добычу, голова быка посреди голов змееподобных драконов, полихромной кладкой выложенные на приворотных башнях свастики (рис. 4). Подобные им встречаются в интерьерах и на фасадах церквей конца XII – начала XIV в.

^ Рис. 2. Западная часть Смбатовых стен с Карсскими воротами со стороны города. Фото А. Казаряна. 2005

^ Рис. 3. Смбатовы стены на гравюре первой половины XIX века (5, pl. XXVIII)

^ Рис. 4. Рельефное изображение головы быка между змеями/драконами. Фото А. Казаряна. 2015

История поновлений и перестроек Смбатовых стен воссоздается по эпиграфическим источникам. Наряду со всего лишь одной надписью на арабском языке [11, с. 54], относимой к периоду правления в Ани Мануче (1071–1110) из рода курдских эмиров Шаддадидов, матерью которого была дочь анийского царя Ашота IV Багратуни (ум. 1041). Остальные надписи о строительстве стен высечены на армянском, включая древнейшую, середины XI в., которая находится не на оборонительных стенах, а на стене кафедрального собора. Из 17 армянских строительных надписей 14 содержат даты: одна 1160 год, то есть принадлежит еще эпохе Шеддадидов, остальные охватывают период с 1206 по 1231 годы [12, с. 1–8], то есть относятся к начальному периоду управления страной Закаридами. Три надписи без дат относятся к тому же времени в связи с упоминанием в них известных личностей. Не исключено нахождение надписей эпохи Багратидов на редких фрагментах конструкций того времени, которые оказались в дальнейшем обстроены, как была обстроена и башня с упомянутой куфической надписью следующим, наверняка XIII в., слоем кладки: сейчас участок с этой надписью демонстрируется в шурфе данной кладки.

Тексты строительных надписей, оставленные правителями и богатыми горожанами, отражают, среди прочего, особенности строительного заказа, любопытную древнюю терминологию, а также имена многих личностей и их статус. Этими именами исследователи называли отдельные башни, несмотря на то что каждая из них сопровождалась своим номером в реестре памятников Ани. Так, в научную литературу вошли названия башни Абраама (1160), башни и ворот Джудика (1206), башни Саргиса (1208), первой и второй башен амирспасалара Закаре (1208 и 1212), башни Шушан (1218) и Мамхатун (1219), строителями которых в соответствующих надписях объявлены эти две женщины. И. А. Орбели приводит тексты надписей и свои переводы к ним. Например, в надписи амирспасалара шахншаха Захаре (1208) говорится: «...Построил я сей шрѣшл и сию стену в память о нас и родителях наших...». В другой читаем: «...Я – Лусот, сын Григория, построил сей шрѣшл в память обо мне и родителях моих и ради долголетия Спарапета Шахнша-

ха, закончена эта башня (րըրը) в Эмирство Вахрама...». Одна короткая надпись оставлена под вставленным в стену хачкаре и гласит: «Святой крест Арьяца. 1222». Другая надпись на крепостной стене Зазы и Шахншаха (1231) объявляет ее строителями наряду с этими двумя персонами еще шестерых горожан Ани. Еще в одной надписи, выбитой от имени Шахншаха I (1212–1261), молитвенно возглашается: «Господь Бог, дай Твой мир всему миру и прочно храни нашего парона Шахншаха и его сына Юшипа» [12, с. 5–7].

Касаясь толкования слова «шрѣшл», И. А. Орбели приходит к заключению, что в разбираемых надписях оно могло означать не «памятник», как это теперь понимается, а имело совершенно иное значение: в нем следует видеть синоним заимствованного слова «րըրը», «րըրգ» – «башня», ибо слово «шрѣшл» означало также «столп».

И. А. Орбели объясняет и форму привлечения частных лиц при строительстве городских стен: «Башни и стены Ани сооружались вовсе не по заказу отдельных лиц и даже фактически не на средства отдельных лиц, поодиночке и небольшими участками, а по общему плану и на средства государства или города, большими группами и участками одновременно. Затем желающим представлялось выкупить ту или иную башню или прясло стены, уплатив приблизительную стоимость ее сооружения и, таким образом, приобрести право начертать на заранее заготовленной в стене стеле надпись о построении от своего имени; в таких надписях слово «շինել» – «строить» совершенно теряет свое реальное значение и означает только оплату стоимости постройки, притом, быть может, спустя много времени после постройки» [13, с. 114]. Этими обстоятельствами можно было бы объяснить присутствие на стенах пустых табличек, заранее заложенных строителями, но не удостоенных заполнения в связи с отсутствием выкупа такого права.

Однако это предположение ученого вряд ли применимо ко всем башням с надписями. Трудно представить, например, что фактический хозяин города Закаре амирспасалар, который в надписях 1208 и 1212 годов на башнях сообщает об их строительстве в память о себе и своих родителях, всего лишь дал денег и не имел непосредственного отношения к строительству башен (рис. 5).

^ Рис. 5. Надпись правителя Ани Закаре. Фото А. Казаряна. 2018

^ Рис. 6. Шахматные ворота. Фото А. Казаряна. 2015

Укрепление городских стен было делом не только правителей, но и всех горожан, вносивших в него свой посильный вклад. Содержание надписей свидетельствует о том, что укрепление стен и строительство новых башен в Ани считалось богоугодным делом.

Несомненный интерес представляют и многочисленные знаки мастеров-строителей, оставленные острым предметом или глубоко высеченные на поверхности блоков. Это – часть растянувшейся на века традиции маркирования камней кладки с целью дальнейшего подсчета вклада каждого мастера. Эта традиция требует внимательного изучения.

Каждые из трех основных ворот представляют собой комплекс сооружений, который едва выделяется из общего ансамбля Смбатовых стен. Ворота в каждом комплексе было двое – внешние и внутренние, и оба располагались между парой башен. Первые расположены (там, где они сохранились) во внешней линии, пониженной по отношению к внутренней. Традиционная для армянских крепостей ловушка для проникающих в первый проем захватчиков заключалась в раздвижении осей двух проемов: внутренний проем сделан в следующем прясле от того, которое расположено напротив внешнего проема. Эта схема многократно описывалась. Можно заметить, что комплекс каждых ворот составляет архитектурную композицию из пары арочных проемов и шести башен, устроенных по три в двух линиях стен. В Главных и Шахматных воротах движение от внешнего к внутреннему проему осуществлено справа налево, образуя для входящего зигзаг с поворотом вначале налево, затем, у внутреннего проема, направо. В Карсских воротах организация движения симметрична этой. Композиции ворот визуально едва выделяются из общего ансамбля Смбатовых стен, напоминающего пересекающиеся плато две спаренные, пластически выразительные ленты общей шириной примерно в 50 м, высотой внешних стен и башен до 10 и внутренних – до 20 м [7, с. 70]. Ворота находятся на значительных расстояниях друг от друга, примерно одинаковых, в 220–240 м, так что во внутренней линии между проемами Главных и Шахматных расположено 13 башен, между проемами Главных и Карсских – 9.

Именно ворота позволяют эффективно и комплексно изучать стратиграфию строительных слоев, поскольку преимущественно в деталях торжественно оформленных арочных проемов содержатся элементы декора как наиболее раннего, так и последовавших за ним периодов сооружения фортификаций. Местами ранний декор сохранился открытым для обозрения, но в основном ныне он скрыт стенами XIII в. Наиболее интересные фрагменты ранних импостов под аркой и ниши-алтаря в теле соседствующей с проемом башни присутствуют на Шахматных воротах (во внутренней стене), они добротны изучены французскими коллегами [9]. Первоначально имея более широкий арочный проем пролетом около 5,30 м и более узкие башни, в первой трети XIII в. эти ворота получили свой нынешний образ. В старый проем на низких пилонах была вписана новая арка пролетом в 4,50 м, которая обрамлена декоративной ступенчатой рамой. Выше находится участок стены между башнями, кладка которого набрана вписанными в диагональную сетку блоками охристого и красного туфа, отчего ворота и названы Шахматными. Чуть правее от оси вкраплениями черных квадратов представлен большой крест с ямкой в камне средокрестия, предназначавшейся, вероятно, для устройства глазированного блюда; остатки подобных блюд сохраняются на другой стене, западнее этих ворот. Обе башни тогда же были обнесены дополнительными стенами (облицовкой на толстом бутобетоне), а западная из них в период между серединой XIII и XIV вв. получила еще одну облицовку крупными блоками рыже-охристого и черного туфа в более свободном их чередовании (рис. 6).

Карсские ворота снаружи были расчищены в 1907 году [6, с. 21], но со стороны города оставались засыпанными и были открыты в 1910 году [4, с. 79] (рис. 7). Башни по сторонам от арочного проема самые высокие, они частично сохранили внутренние лестницы и перекрытия [6, с. 21]. Со стороны города отчетливо просматривается внутренняя структура этих башен, гнезда от балок деревянных перекрытий и верхнее каменное перекрытие одной из башен. Необычным является сочетание цилиндрического свода на подпружных арках с U-образным периметром стен в той части, где полуцилиндр свода

^ Рис. 7. Карсские ворота со стороны города. Фото А. Казаряна. 2005

^ Рис. 9. Главные ворота со стороны города. Фото А. Казаряна. 2010

врезается в полуцилиндр полукружия стены [7, с. 70–71]. Близкий пример пересечения округлых форм известен в интерьере второго яруса сохранявшейся еще в начале XX в. Пастушьей церкви вне стен Ани (первая половина XI в.), где крестово-купольная структура перекрытий с арками на кронштейнах завершала цилиндрическое пространство.

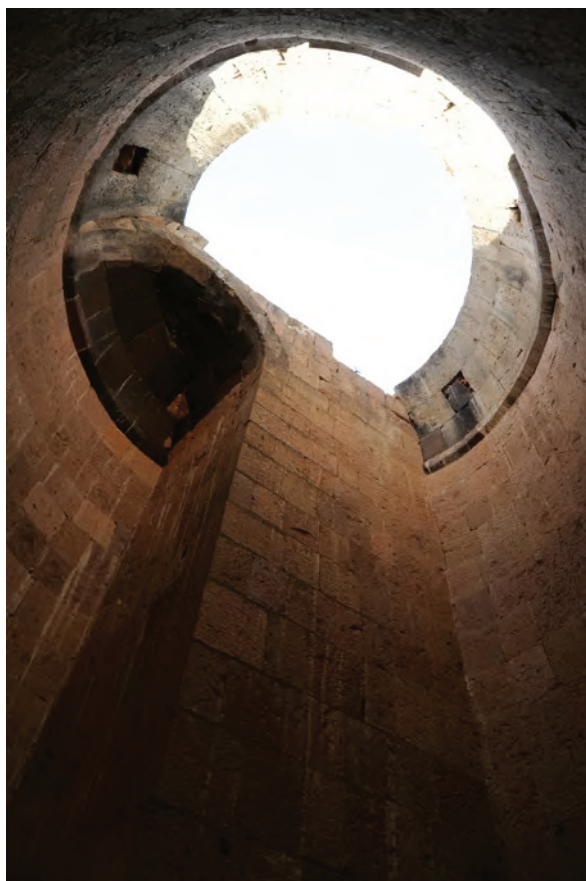
На уровне сводов башен Карсских ворот между ними был перекинут еще один свод на подпружных арках,

так что вместе три участка перекрытий могли служить основой единой площадки. В то же время средний свод служил фактически навесом, вознесенным над арочным входом, который, повторяя раннюю, X в. форму, оказался значительно ниже этого свода и башен, определивших архитектурную композицию ворот через два с лишним столетия.

О малоизвестном нам первоначальном виде этих ворот времени Смбата II некоторую информацию сообщают расположенные чуть выше проема остатки зубцов-мерлонов, которые охвачены поверху позднейшей кладкой. Зубцы фигурные, в виде листа растения. Контур их краев восходит по дугам большого радиуса и имеет стрельчатое завершение. Между зубцами присутствуют горизонтальные площадки. Высота зубцов над проемом Карсских ворот составляет пять рядов стандартной кладки, то есть не менее метра при несколько меньшей ширине. Выложены они, как и стена под ними, из тесаного камня неидеальной окантовки и с отсутствием чистовой обработки (рис. 7).

К западу от Карсских ворот, минуя сильно разрушенную башню, и к востоку от ворот, вновь минуя одну разрушенную башню, находятся высокие башни, содержащие близкие, но неидентичные в деталях перекрытия в виде свода на подпружных арках и конхи. Знакомство с другими башнями убеждает в разнообразии их перекрытий, в поиске мастеров нестандартных и в то же время оптимальных решений в рамках одинаковых U-образных в плане внешних форм. Например, высокая башня Закаре (1208), расположенная на востоке, после поворота стен от плато в сторону ущелья реки Ахурян изнутри не делилась на ярусы и была перекрыта куполом на кольцевом карнизе. Чуть менее четверти ее цилиндрического пространства занимает ведущий на кровлю стройный прямоугольный объем охваченный стенами лестницы (рис. 8).

Величественные главные ворота структурно и в высотных пропорциях близки Карским. Наибольший интерес представляют башни по внутренней линии, где, как они сами, так и стены между ними оформлены лапидарными надписями и изображениями, где входной проем имеет красиво прорисованную параболическую арку, которая,

> Рис. 8. Интерьер башни Закаре. Фото А. Казаряна. 2015

> Рис. 10. Композиция со львом и крестом в комплексе Главных ворот: а) на фотографии начала XX века; б) состояние после реставрации стены. Фото А. Казаряна. 2018

а

б

вероятно, является сохранившейся частью двух-трех-слойного арочного портала, представлявшего со стороны города. Среди башен лучшую сохранность имеет восточная. Вверху ее стены, обращенной к соседней башне, сохранились кронштейны, свидетельствующие о соединении фланкирующих вход башен сводом на подпружных арках. Внутреннюю композицию восточной башни еще предстоит исследовать.

Комплекс Главных ворот, расположенных по центру открывавшихся в сторону плато городских стен, служил местом или полем трансляции идей правителей Ани и Армении, проявления их риторики, что отражено во включенных в архитектуру ворот знаковых формах и символах (рис. 9). В верхней зоне прясла, расположенного между двумя башнями и напротив внешнего проема ворот, представлен рельефный образ льва или барса с мозаично выложенным крестом. На башне правее этого участка стены присутствует куфическая надпись, фиксирующая вклад в строительство башни первого мусульманского правителя Ани Мануче. Пространная надпись непосредственно над внутренним арочным проемом относится ко времени монгольского хана Абу Саида (1319–1335), когда Ани стал «хасинджу» – уделным владением ханов [12]. Наконец, на сохранившейся восточной башне этого комплекса, обращенной к горожанам, присутствует большая полихромно выложенная свастика.

Композиция, которую Орбели считал гербом Ани и, как и Н. Я. Марр, относил к XIII в. [6, с. 21–22; 14, с. 30; 4, с. 78], состояла, по его словам, из бегущего тигра, шара и креста над ним [13, с. 30]. Идентификация изображенного зверя вызывает затруднение: в нем признавали льва, тигра или барса (рис. 10 а – б). В начале XX в. последние два зверя при освещении кавказских реалий могли восприниматься одинаково, о чем свидетельствуют названия двух переводов поэмы Шота Руставели – «Витязь в тигровой шкуре» и «Витязь в барсовой шкуре». Именно барсом анийского зверя называет Н. Я. Марр, отмечая при этом принадлежность произведения к «эпохе расцвета городской жизни в Ани», то есть к началу XIII в. [4, с. 78]. Можно добавить, что данная композиция начиналась в своей нижней части с подножия креста, изображенного тремя камнями черного туфа на фоне ры-

же-охристой стены, так что рельеф, заключенный в раму из такого же черного туфа, выделен на фоне полихромно исполненного изображения креста. Примечательно, что цвет рельефа отличен от основной кладки стены. Это красный камень более розового оттенка и, кажется, совпадает с цветом камня Ашотовых стен Ани. Не служит ли это поводом считать рельеф произведением конца X в., вторично включенным в рассматриваемую композицию? В любом случае эта композиция льва или барса с крестом отражает реалии становления Ани как светской и духовной столицы Армении [15, с. 16].

Отдельную крупную тему в составе ансамбля Смбатовых стен представляют разнообразные кресты на стенах Ани. Их присутствие имело несколько проявлений, почти все из которых выросли на почве эпохи конца XII – первой половины XIV в., но отчасти могли восходить ко времени основания стен. Разнообразные по технике исполнения, созданные кладкой или вставленные при строительстве в стену, эти рельефные и полихромные кресты, а также многочисленные хачкары придавали восточному городу исключительно христианский характер (рис. 11–12).

Вслед за краткими обзорами Смбатовых стен в публикациях первой половины – середины XX в. проведенное нами исследование в очередной раз убедило в обширности анийского материала, сложности его охвата и понимания, в необходимости гораздо более подробного изучения частных вопросов архитектуры и декора этих стен как произведения архитектуры и градостроительного искусства. В едином комплексе с этими вопросами вновь окажется задача реконструкции стен в различные периоды их существования и проблема их архитектурного образа в пространстве средневекового города и окружающего культурного ландшафта.

Литература

1. Մխիթար Անեցի, Մատենա աշխարհալէզ հանդիսարանաց, աշխատաւորութեամբ Հ. Մարգարյանի (Мхитар Анеци. Книга по всемирной истории, подготовка текста к изданию и исследование А. Маргаряна). – Ереван : изд-во АН АрмССР, 1983.
2. Matevosyan, K. Ani: the Capital of Medieval Armenia and its Inhabitants / Translated into English by H. Khudanyan and S. Baloyan. – Yerevan : Mougni Publishers, 2024.

^ Рис. 11. Западная оконечность Смбатовых стен. Фото Грайра Базе. 2025

^ Рис. 12. Крест или композиция из пяти крестов со вставленными блоками на восточной половине стен. Фото А. Казаряна. 2015

3. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, писателя XI столетия / Перевод с армянского и объяснения Н. Эмина. – Москва : Лазаревский институт восточных языков, 1864.
4. Марр, Н. Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. – Москва–Ленинград, 1934. – 133 с.
5. Brosset, M.-F. Les ruines d'Ani, Capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides. Atlas Général. – St. Petersburg, 1861.
6. Орбели, И. А. Краткий путеводитель по городищу Ани / Сост. И. Орбели. — Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1910. — [60] с. разд. паг., 1 л. пл.; 22. — (Анийская серия).
7. Breccia Fratadocchi T. Notes on Armenian military architecture // Environmental design. Trails to the East. Essays in memory of Paolo Cuneo / eds. M. Calia, M. A. Lala Comneno, F. Cresti, A. Petruccioli. – No. 1–2. – Rome: Dell'oca Editore, 1997–1998–1999.
8. Dangles Ph. Ani, an archaeological study of the fortifications // Ani 1050. – Yerevan : National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. – 2012. – P. 189–202.
9. Dangles, Ph., Prouteau, N. Sondages archéologiques sur l'enceinte nord d'Ani // Revue des Etudes arméniennes. – Vol. XXIX. – Paris. – 2005. – P. 503–533.
10. Kazaryan, A. The City of Ani: Constructing a Medieval Capital in the Christian Orient // Architecture and Visual Culture in the Late Antique and Medieval Mediterranean. Studies in Honor of Robert G. Ousterhout / Ed. by Vasileios Marinis, Amy Papalexandrou and Jordan Pickett. – Turnhout : Brepols Publishers, 2020. – P. 241–252.
11. Хачатрян, А. Корпус арабских надписей Армении VIII–XVI вв. Выпуск I. – Ереван : изд. АН Арм. ССР, 1987.
12. Դիվան հայ փմագրության: Դրակ 1. Անի բաղադր (Свод армянских надписей. Вып. 1: Городище Ани) / Сост. И. А. Орбели. – Ереван : изд. АН Арм. ССР, 1966.
13. Орбели, И. А. О двух терминах в надписях Ани // Известия Российской академии истории материальной культуры. Т. 1. — Петербург : Государственное издательство, 1921. – С. 111–117.
14. Орбели, И. А. Развалины Ани : История. Современное состояние. Раскопки. – Санкт-Петербург : журн. «Нева», 1911. – 55 с.
15. Մաթևոսյան Կ. Անի-Շիրակի պատմության էջեր (Матевосян, К. А. Страницы истории Ани-Ширака). – Ереван : Святой Эчмиадзин, 2010. – 294 с.

References

- Brosset, M.-F. (1861). *Les ruines d'Ani, Capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides*. Atlas Général. St. Petersburg.
- Dangles, Ph. (2012). Ani, an archaeological study of the fortifications. In *Ani 1050* (pp. 189–202). Yerevan: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia.

- Dangles, Ph., Prouteau, N. (2005). Sondages archéologiques sur l'enceinte nord d'Ani. *Revue des Etudes arméniennes*, XXIX, 503–533.
- Emin, N. (Ed.) (1864). *Vseobshchaya istoriya Stepanosa Taronskogo, Asoghika po prozvaniiyu, pisatelya XI stoletiya* [World history by Stephanos of Taron, Asoghik, a writer of the 11th century]. Moscow: Lazarev Institute of Oriental Languages Publ.
- Fratadocchi, T. B. (1997–1998–1999). Notes on Armenian military architecture. In M. Calia, M. A. Lala Comneno, F. Cresti, & A. Petruccioli (Eds.), *Environmental design. Trails to the East. Essays in memory of Paolo Cuneo*, no. 1–2. Rome: Dell'oca Editore.
- Kazaryan, A. (2020). The City of Ani: Constructing a Medieval Capital in the Christian Orient. In V. Marinis, A. Papalexandrou & J. Pickett, Eds., *Architecture and Visual Culture in the Late Antique and Medieval Mediterranean. Studies in Honor of Robert G. Ousterhout* (pp. 241–252). Turnhout: Brepols Publishers.
- Khatchatryan, A. (1987). *Korpus arabskikh nadpisei Armenii VIII–XVI vv.* [Corpus of the Arabic Epigraphy of Armenia of the 8th–16th Centuries] Issue I. Yerevan: Armenian Academy of Sciences Publ.
- Margaryan, H. (Ed.) (1983). *Mkhitar Anetsi. Matean ashkharavep handisaranats* [Mkhitar Anetsi. Book on the World History]. Yerevan: Armenian Academy of Sciences Publ.
- Marr, N. Ya. (1934). *Ani. Knizhnaya istoriya goroda i raskopki na meste gorodishcha* [Ani. Book History of the City and the Excavations on the Site]. Moscow-Leningrad.
- Matevosyan, K. A. (2010). *Ani-Shiraki patmutian ejer* [The pages of the history of Ani-Shirak]. Yerevan: Holly Etchmiadzin.
- Matevosyan, K. (2024). *Ani: The Capital of Medieval Armenia and its Inhabitants* (H. Khudanyan & S. Baloyan, Trans.). Yerevan: Mougni Publishers.
- Orbeli, I. A. (1910). *Kratkii putevoditel po gorodishchu Ani* [Short Guide on the Ani site]. Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ.
- Orbeli, I. (1911). *Razvaliny Ani* [The Ruins of Ani]. St. Petersburg: "Neva" journal.
- Orbeli, I. A. (1921). O dvukh terminakh v nadpisiakh Ani [About two terms into the Epigraphy of Ani]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii istorii material'noi kul'tury*, I, pp. 111–117. Peterburg.
- Orbeli, I. A. (Ed.). (1966). *Divan hai vimagrutian. Prak 1: Ani kaghak* [Corpus of Armenian Epigraphy. Issue I: The City of Ani]. Yerevan: Armenian Academy of Sciences Publ.